

К. С.
АКСАКОВ

Избранное

Константин Сергеевич Аксаков

Публицистические статьи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2669665

Аннотация

«Община, этот высший нравственный образ человечества, является в несовершенном виде на земле. Христианство осватило и просветило общину, дотоле неясно сознаваемую или предчувствуемую народами. И община стала идеалом недостижимым, к которому предстоит вечно стремиться...»

Содержание

«Молва», № 5, 11 мая 1857 г.	4
«Молва», № 6, 18 мая 1857 г.	7
«Молва», № 2, 20 апреля 1857 г.	10
«Молва», № 9, 8 июня 1857 г.	12
«Молва», № 12, 29 июня 1857 г.	17

Константин Сергеевич Аксаков

Публицистические статьи

«Молва», № 5, 11 мая 1857 г.

Народность есть личность народа. Точно так же, как человек не может без личности, так и народ без народности. Если же и может встретиться человек без личности, на род без народности, то это явление жалкое, несчастное, бесполезное и себе и другим Личность не только не мешает, но она одна и дает возможность понять вполне и свободно другого человека, другие личности. Так точно и народность одна дает возможность народу понять другие народности. Где исчезает она, там исчезает, материально или нравственно, сам народ. Народность это есть живая, цельная сила, имеющая в себе нечто неуловимое, как жизнь.

И дух, и творчество художественное, и природа человеческая, и даже природа местная, все принимает участие в этой силе. Народная песня, как бы ни была она доступна всему остальному человечеству, все-таки отзовется чем-то особенным в душе того человека, для которого она своя народная песня.

Иные скажут: народность ограничена, в ней может быть исключительность. Но исключительность есть уже злоупотребление. Для того, чтобы избавиться от народной исключительности, не нужно уничтожать свою народность, а нужно признать всякую народность.

Да, нужно признать всякую народность, из совокупности их складывается общечеловеческий хор. Народ, теряющий свою народность, умолкает и исчезает из этого хора. Поэтому нет ничего грустнее видеть, когда падает и никнет народность под гнетом тяжелых обстоятельств, под давлением другого народа. Но в то же время, какое странное и жалкое зрелище, если люди не знают и не хотят знать своей народности, заменяя ее подражанием народностям чуждым, в которых мечтается им только общечеловеческое значение!

Каждый народ пусть сохраняет народный облик (физиономию): только тогда будет иметь он и человеческое выражение. Неужели же захотят сделать из человечества какое-то отвлеченное явление, где бы не было живых, личных народных черт? Но если отнять у человечества личные народные краски, то это будет бесцветное явление, до которого можно прийти только через искусственное собрание правил, под которые народ должен подводить себя, стирая притом свою народность. Это будет уже своего рода официальное, форменное, казенное человечество. По счастью, оно невозможно, и идея его может явиться только как крайняя, и притом нелогическая отвлеченность в уме человеческом.

Нет, пусть свободно и ярко цветут все народности в человеческом мире; только они дают действительность и энергию общему труду народов.

Да здравствует каждая народность!

«Молва», № 6, 18 мая 1857 г.

Вперед! Стремитесь, не слабея, не останавливаясь, все далее и далее вперед!

С полным убеждением произносим слова эти, слова стремления и деятельности. Но одного чувства, убеждения мало для человека, ему нужно ясное понимание, отчет мысли.

Что значит вперед? Есть ли это только движение далее и далее, не разбирая пути, на котором стоит человек? В таком случае человек был бы как бы материальным орудием какой-то им владеющей силы, которая мчит его куда-то, человек не был бы свободен, не имел бы суда над собою, не владел бы своим направлением. Если путь ложен и ведет его к заблуждениям, должен ли он стремиться вперед? Не должен ли он стать на иной путь, как скоро ему ясно стало, что он не туда идет?

Итак, человеческое «ВПЕРЕД!» не значит все далее и далее, куда бы то ни было, по одной черте, раз (хотя и ошибочно) избранной. Вперед к истине! – прибавим мы и это прибавление освобождает нас от тесного, путевого понимания Вперед! Здесь уже нет рабского следования пути, раз избранному. Здесь одна цель – истина. Один путь хорош, который ведет не от нее, а к ней. Если путь ложен, то человек не затруднится его бросить и вступить на иной путь.

Очень часто стремление вперед к истине может не сойтись с стремлением вперед по одной дороге, ибо дорога может быть ложна.

Не раз слышалось обвинение на славянофилов, что они хотят возвратиться назад, не хотя идти вперед. Но это обвинение несправедливо, и оно разрешается отчасти тем, что сейчас нами сказано. Если понимать ВПЕРЕД и НАЗАД, без отношения к истине, тогда и то и другое стремление обращается уже в силу, становится динамическим, невольным и для разумного существа недостойным. Но такого понимания никто, конечно, не примет. А если нет, то и вопрос становится совершенно иначе.

Разве славянофилы думают идти назад, желают отступательного движения? Нет, славянофилы желают идти, но не просто вперед, а вперед к истине и, конечно, никогда назад от истины. Их антагонисты, думаем, желают тоже идти, не просто вперед, а вперед к истине. И та, и другая сторона не ставит себя в зависимости от избранного ею пути. Славянофилы утверждают только то, что самый путь ошибочен, и что к истине должно идти другим путем. Значит ли это возвращение назад? Вопрос и спор может быть о том, чей путь истинен, но не может быть и речи о желании возвратиться назад.

Но славянофилы думают, что истинен тот путь, которым Россия ШЛА прежде.

Да, они думают, что истинен этот путь, но не забудь-

те ПУТЬ. Разве есть неподвижное состояние? Разве на пути можно остановиться? Путь непременно идет куда-нибудь вперед, путь есть бесконечное движение; и воротиться на прежний путь не значит отказаться от стремления вперед, а значит идти вперед, лишь по иному направлению.

Итак, славянофилы думают, что должно воротиться не к СОСТОЯНИЮ ДРЕВНЕЙ РОССИИ (это значило бы окаменение, застой), а к пути древней России (это значит движение). Где есть движение, где есть путь, там есть вперед! Там слово «назад» не имеет смысла.

Славянофилы желают не возвратиться назад, но вновь идти вперед прежним путем, не потому, что он прежний, а потому, что он истинный.

Итак, опять не может быть речи о возвращении назад. Этот упрек само собою снимается с славянофилов. Спор может быть лишь об истине путей, лишь о том, какое вперед есть вперед к истине.

«Молва», № 2, 20 апреля 1857 г.

Народ есть та великая сила, та живая связь людей, без которой и вне которой отдельный человек был бы бесполезным эгоистом, а все человечество – бесплодной отвлеченностью. Разъединяющий эгоистический элемент личности умеряется высшим началом живого союза народного, другими словами: великодушием общинного элемента. В общинном союзе не уничтожаются личности, но отрекаются лишь от своей исключительности, дабы составить согласное целое, дабы явить желанное сочетание всех. Они звучат в общине, не как отдельные голоса, но как хор.

Община, этот высший нравственный образ человечества, является в несовершенном виде на земле. Христианство осватило и просветило общину, дотоле неясно сознаваемую или предчувствуемую народами. И община стала идеалом недостижимым, к которому предстоит вечно стремиться. Уже великая заслуга в том, как скоро поставлен такой идеал, и к нему стремятся. Невозможность достигнуть полного осуществления общины на этой земле не должна останавливать. Нельзя быть совершенным христианином, но дело человека вечно стремиться к этому идеалу.

Начало общины есть, по преимуществу, начало славянского племени и в особенности русского народа давшего ему кроме слова «община» (вполне русскою, но несколько книж-

ного) иное, жизненное наименование: МИР.

В народе необходима самодеятельность. Нравственный подвиг народа совершается всем народом. Странно было бы, в этом случае, разделение народа на ведущих и ведомых. Точно: иным дается сила вразумления, а другим сила внимания; но это не люди распределяют, а Провидение. К тому же внимающий не есть белая бумага, которая не знает и не судит о том, что на ней пишут. Внимающий много дает вразумляющему, он нередко вдохновляет его. И говорящий и слушающий делают одно общее дело: один разумно передавая, а другой разумно принимая, их связует одна общая идея, переходящая от одного к другому и выравнивающая их. Та же связь в более частном виде существует между писателем и читателем, как было это высказано печатно в одном русском журнале в начале прошедшего года. Лишь дары Провидения не передаются, а истина – достояние общее. Но дары, скрытые некоторое время, могут раскрыться. Внимающий, как скоро пробуждается в нем дар слова, становится вразумляющим. Из этого взаимного беспрепятственного обмена мыслей, из переменного даяния и принятия, слагается общий нравственный подвиг народа.

«Молва», № 9, 8 июня 1857 г.

Простой народ есть основание всего общественного здания страны. И источник вещественного благосостояния, и источник внешнего могущества, источник внутренней силы и жизни, и наконец мысль всей страны пребывают в простом народе. Отдельные личности, возникая над ним, могут, на поприще личной деятельности, личного сознания, служить с разных сторон делу просвещения и человеческого преуспеяния; но тогда только и могут они что-нибудь сделать, когда коренятся в простом народе, когда между личностями и простым народом есть непрерывная живая связь и взаимное понимание.

Находясь на низшей ступени лестницы житейской, вне всяких почестей и наружных отличий, простой народ имеет за то великие блага человеческие: братство, цельность жизни и (так как мы, говоря о простом народе, разумеем русский) быт общинный.

Напрасно думают, что простой народ есть бессознательная масса людей. Если бы это было так, то он был бы то же, что неразумная стихия, которую можно направлять в ту и в другую сторону. Нет, простой народ имеет глубокие, основные убеждения – условие существования для всей страны. Защищая эти убеждения, он, точно, в силе своей равняется стихии; но это стихия разумная, имеющая нравственную во-

лю; это стихия только по дружному, цельному своему составу и действию. Есть прекрасное выражение на Руси для такого проявления народной силы: СТАЛИ ВСЕ, КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК. Русская история показывает нам, как глубока и тверда основа веры в русском народе, как отстаивал он святость своих православных убеждений.

Напрасно также думают, что простой народ есть какой-то слепой поклонник обычая, что он, перед чем бы то ни было, рабствует духом. Правда, он не представляет легкого подвижного явления, то в ту, то в другую сторону направляемого ветром; как все истинное и действительное, он крепок на ногах и не шатается из стороны в сторону, он понимает, что предание, что преемство жизни есть необходимое условие жизни: он связует, поддерживает а не рвет нить жизни, идущую из прошлого в будущее. Простой народ есть страж предания и блюститель старины; но в то же время он не есть слепой раб ее. Да и было же время, когда старина была новизною. Простой народ принимает новое, но не скоро, не легкомысленно, не из презрения к старине, не из благоговения к новизне. То, что он примет, примет он самобытно, усвоит прочно и перенесет в свою жизнь. Легкомысленные личности, для которых жизнь есть непрерывный маскарад, или убеждения которых, если и постоянные, не имеют корня в самой стране и плавают в какой-то отвлеченной атмосфере, как ошибаются они, принимая обдуманность народа, его мерный и верный шаг, среди прыгающих и бегущих око-

ло него, отдельных личностей, за какую-то неподвижность, или, по крайней мере, за косность. Это показывает только, что народа не понимают. У нас же, в России, неохота, недоверчивость, с какой принимает новое, имеет свою историческую причину, свое законное оправдание.

Но, начавши говорить: «простой народ», мы потом стали говорить, «народ». Это не случайно и не без причины, ибо простой народ точно, есть ПРОСТО НАРОД, или народ собственно.

Слово «народ» употребляется в двояком смысле, или оно означает всех, в союзе народном живущих, без различия сословий и в таком случае соответствует более слову «нация», или же оно означает простой народ, низшее сословие, которое есть народ собственно. Понятно и законно употребление этого слова и во втором случае. Простой народ не имеет никаких отличий, никакого другого звания, кроме звания человека и христианина, а потому и зовется или ЧЕЛОВЕКОМ, во множестве ЛЮДЬМИ (в летописи людие; впоследствии слово «люди» получило свое особое значение), или КРЕСТЬЯНИНОМ, то есть христианином, или же, наконец, народом, что также есть имя кровного, но еще более духовного союза человеческого. Вот причина, по которой название народа остается преимущественно за низшим сословием.

Итак, у простого народа нет никаких отличий или титулов, кроме звания человеческого или христианского. О, как

богата эта бедность! И, стоя на низшей ступени, как высоко стоит он!

Нося звание только человека, только христианина, он, с этой стороны, есть идеал для всего человеческого и христианского общества.

Как скоро верхние классы смотрят на свои отличия и преимущества (хотя и не во зло употребляемые) не как на причину гордости и превосходства над другими, но как на требуемые временем, порожденные несовершенством мира сего, явления, как скоро, забывая о них, чувствуют в себе только человека и христианина, – тогда становятся и они народом.

У нас значение простого народа имеет свою особую сторону, ибо он только и сохраняет в себе народные истинные основы России, он только и не разорвал связь с прошедшим, с древней Русью. Часто гордо смотрят на него люди так называемого образованного или светского, русского общества, пренебрегают им, называют его мужиками, обратив это слово в брань. Красуясь над ним и высоко на него посматривая, они забывают, что только простой народ составляет условие их существования. Известно прекрасное (сделанное русским писателем) сравнение простого народа с корнями дерева, на котором шумят и величаются листья, меняющиеся каждый год, тогда да как корни – все одни и те же.

Красуйтесь в добрый час,
говоря корни листьям:

Но помните ту разницу меж нас,
Что с новою весной лист новый народится;
А если корень иссушится, —
Не станет дерева, ни вас.

«Молва», № 12, 29 июня 1857 г.

Общественное мнение есть великое благо и великая сила; оно составляет нравственную свободную поверку всех действий человеческих, подлежащих суду общественному. У общественного мнения нет делопроизводства; оно не наказывает, не сажает в тюрьму, не принимает принудительных мер. Свободное, оно и относится ко всему свободно, вооруженное лишь нравственной силой.

Естественно, что общественное мнение драгоценно для Правительства, которому нужно знать, чего желает и как думает страна, им управляемая.

Но для того, чтобы общественное мнение могло существовать, нужны два условия. Первое состоит в том, чтобы общественное мнение высказывалось непринужденно и без стеснения. Второе – в том, чтобы само общество представляло нравственный союз, имеющий одни и те же общие начала и основания, которые только и могут сообщить целость и единство; без единых нравственных начал общество существовать не может. Отсюда является необходимость общественной нравственности.

Общественная нравственность состоит в соблюдении и ограждении нравственных начал общества. Всякий, нарушающий эти начала, – в обществе оставаться не должен! В противном случае, если в общество будут входить люди не при-

знающие нравственных его начал или оскорбляющие их, – тогда, стало быть, само общество, допуская в себя таких людей, не может сказать, что оно основано на нравственных началах: тогда оно должно сознаться, что равнодушно к ним, что оно, следовательно, лишено общественной нравственности, а с нею и общественного суда и общественного мнения.

К сожалению должно признаться, что, – при многих отдельных нравственных личностях, – общественная нравственность в нас понимается и проявляется мало. Где те пороки, те нарушения нравственных начал, которые заставили бы наше общество произнести свой необходимый правдивый суд? И взяточник, и плантатор, и развратник, всеми признанные за таковых, – если только они богаты, или чиновны, или знатны, и позовут общество к себе на пир: разве общество не поедет к ним и, тем самым, разве оно не одобряет разврата и неправды, не узаконивает их? Веселясь у презренного и развратного богача, или важного человека, могущего оказать покровительство, разве не говорит оно ему: «ты хорош для нас со всем твоим развратом и награбленными деньгами? Ты наш; ты принадлежишь к нашему обществу?» – Где же единство нравственных начал, если тот, кто отвергает их, остается в обществе? В чем же разница тогда между соблюдающими и нарушающими нравственные начала? Разница эта исчезает. – Следовательно, общество не имеет нравственных начал, ни общественной нравственности, ни общественного суда, ни общественного мнения. Протягивая руку

человеку безнравственному, принимая его в свою среду, общество ободряет его порок и поддерживает его на пути беззакония. Между тем как, если бы оно отвергло его, оно произнесло бы над его делами во всеуслышание свой спасительный суд, и само в себе почувствовало бы крепость. — Эта-то общественная крепость необходима нашему обществу.

Богато убранные залы порочного хозяина наполняются гостями, и в числе этих гостей встречаются люди честные и достойные, которым противны разврат и другие явные пороки хозяина. От чего же очутились здесь эти честные люди в гостях у хозяина, ими презираемого? От того, что порочный хозяин богат или чиновен, от того, что залы его хорошо убраны, ярко освещены, и угощает он отлично, и от того, что все общество туда идет. А поехали бы, и эти честные люди, и все общество в гости к таким порочным хозяевам, если бы эти хозяева были люди небогатые, не чиновные, не с связями? Конечно, нет. — И так золотом или покровительством приобретены эти гости, и в числе их многие честные люди, наполняющие залы порочного человека.

Все это показывает недостаток общественной нравственности. Иные говорят: я не перестаю быть честным человеком от того, что пойду в гости к бесчестному; но это своего рода эгоизм. Надобно помнить, что в каждом из нас, кроме личного человека, есть человек общественный, и что личное мое достоинство мне не извинение, если я еду на бал к человеку порочному или развратному, и, своим присутствием,

поддерживаю его порок и разврат в обществе. Здесь я нарушаю общественную нравственность. Должно не только не быть «губителем», но и не «сидеть на седалище губителей».

Повторяем: мало одной личной нравственности, необходима нравственность общественная.